

*Посвящается
моей матери*

*Давай посмотрим, смогу ли я, вооб-
разив эти слова клочком земли,
А мою жизнь краеугольным камнем,
Построить для тебя центр.*

*Я хочу рассказать тебе правду
и уже рассказала о широких реках.*

Часть I

Придется начать сначала.

Дорогая мама!

Пишу, чтобы быть ближе к тебе, хотя каждое написанное слово уводит все дальше. Пишу, чтобы снова вернуться в прошлое, в тот ресторанчик в Вирджинии, где, остолбенев от ужаса, ты не могла отвести взгляд от чучела оленя. Его морда висела над автоматом с газировкой рядом с туалетами, рога отбрасывали тень на твое лицо. В машине ты то и дело качала головой: «Не понимаю, зачем такое вешать? Они что, не видят, что это труп? Труп нужно закопать, а не оставлять вот так на целую вечность».

Я вспомнил того оленя, как ты смотрела в его черные стеклянные глаза и видела в них свое отражение, тело целиком изогнулось в зеркале безжизненных зрачков. Тебя возмутило даже не уродство головы без тела, а то, что чучело собой воплощало: бесконечное умирание, что повторяется снова и снова, а мы проходим мимо справить нужду.

Я пишу, потому что меня учили никогда не начинать предложение со слов «потому что». Но я и не собирался строить предложение, я хотел освободиться. Потому что свобода — это всего лишь дистанция между охотником и его добычей. Так мне сказали.

Осень. Неподалеку от озера Мичиган начинается миграция бабочек монархов¹, их более пятнадцати

¹ Данаида монарх — вид бабочек из семейства нимфалид. Во время ежегодной миграции способны преодолевать большие расстояния. *Прим. ред.*

тысяч. За два месяца, с сентября по ноябрь, снова и снова складывая и расправляя крылья, они перелетят из Южной Канады и Соединенных Штатов в Центральную Мексику. Там и перезимуют.

Бабочки порхают между нами, садятся на подоконники и на забор из проволочной сетки, веревка все еще подрагивает под тяжестью белья, вдали кузов блекло-синего «шевроле»; бабочка медленно смыкает крылья, словно хочет отложить их в сторону, а потом взмах — и она летит.

Вся популяция может погибнуть за одну морозную ночь. Значит, жизнь — это вопрос времени, правильного момента.

Помнишь, как однажды — мне было пять — я решил тебя разыграть и выпрыгнул из-за двери с воплем «Бум!»? Ты вскрикнула, лицо исказила гримаса, потом ты начала глотать воздух, схватилась за грудь и оперлась о стену, тяжело дыша. Я был в замешательстве, на голове покачивался игрушечный солдатский шлем. Я, американский мальчишка, решил повторить то, что увидел по телевизору. Откуда мне было знать, что война до сих пор идет внутри тебя, что это навсегда, что, если ты однажды видел войну, ее уже не забыть? Она так и будет отдаваться эхом у тебя в голове, звуком, из которого возникает лицо твоего собственного сына. Бум!

Я учился в третьем классе. Моя учительница английского, миссис Кэллэхэн, помогла мне прочесть первую книжку, которая мне понравилась: «Пирог из грома» Патрисии Полакко. Бабушка и внучка заметили, что на горизонте собирается

гроза, но не стали закрывать ставни и запирали двери. Они решили испечь пирог. Этот безрассудный, но смелый поступок — полнейшее отрицание здравого смысла — совершенно сбил меня с толку. Миссис Кэллэхэн стояла за моей спиной и читала мне на ухо, поток слов уносил меня все дальше и дальше. История разворачивалась у меня перед глазами: учительница заговорила, началась гроза, я повторил фразу, и прогремел новый раскат грома. Бабушка и внучка пекли пирог в разгар бури, ели сладкое за миг до разгрома.

Помнишь, как ты впервые ударила меня? Кажется, мне было четыре. Ладонь, вспышка, осмысление. Во рту жгло от пощечины.

Помнишь, как я попытался научить тебя читать? Я сделал все как миссис Кэллэхэн: склонился над твоим ухом и накрыл твою ладонь своей. Слова колыхались в тени наших тел. Это действие — сын учит собственную мать — вывернуло наизнанку не только иерархию в нашей семье, но и нашу идентичность, которую эта страна уже достаточно истончила и сковала. Сначала ты запиналась и ошибалась, потом корявые предложения застревали у тебя в горле; наконец ты устыдилась собственного поражения, захлопнула книгу и отрезала: «Я не хочу читать». Поджав губы, ты встала из-за стола. «У меня есть глаза. Для жизни мне и этого хватит».

Помнишь тот случай с пультом? У меня на предплечье остался синяк, пришлось врать учителям:

— Мы играли в салки, и я упал.